

НАЧАЛО СТРЕЛЕЦКОГО ВОЙСКА

История стрелецкого войска остается до сих пор мало разработанной темой. Даже по вопросу о времени появления стрельцов мы встречаем в литературе удивительное разнообразие датировок, иной раз чрезвычайно небрежных. По-разному освещается и отношение стрельцов к пицальникам первой половины XVI в.

Карамзин считал, что стрельцы впервые появились под именем пицальников Василия III¹. Шпаковский, автор небольшой специальной работы о стрельцах², согласен с этим отождествлением, причем думает, на основании одного документа³, что в 1556 г. это войско существовало еще под именем пицальников, а не стрельцов. Напротив, его предшественник, Родиславский, писавший еще в 1850 г.⁴, не соглашался отождествлять стрельцов с пицальниками; он предполагал, что первое упоминание о стрельцах относится к 1551 г. Н. Беляев, который писал раньше и Шпаковского и Родиславского⁵, указывает 1550 г., как время образования стрелецкого войска, не сообщая, однако, каковы основания для такой датировки. Это отсутствие ссылки тем более досадно, что, как мы сейчас увидим, дата, приводимая Беляевым, представляется нам вполне правильной, хотя она и не предотвратила разпорочия во всей последующей литературе.

Брикс⁶, тесно связывая стрельцов с пицальниками, ограничивается в отношении собственно стрелецкого войска указанием середины XVI в. в качестве времени его появления. Но в другом месте он относит к 1547 г. первые упоминания о городских каза-

¹ История Госуд. Росс., т. VIII. Прим. 493.

² ЖМНП., 1898 г., IX.

³ Дов. А. И. I, № 90.

⁴ «Москвитин», 1850, кн. 1.

⁵ «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после него до преобразования Петра В.», М. 1846.

⁶ Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen, Berlin 1867.

ках, причем заключает, что они появились одновременно со стрельцами⁷. Штейн⁸ считает, что название «стрельцы» появляется впервые в Казанском походе 1551 г. П. Смирнов, касаясь стрельцов в своей работе о городах XVII в., высказывает предположение, что они появились очень рано, еще при Василии III.

В статье Покровского «Стрельцы», помещенной в Энциклопедическом словаре Гранат⁹, находим совсем иную и наиболее странную датировку: автор говорит, что стрельцы упоминаются впервые в 1555 г., между тем участие их во взятии Казани — факт общеизвестный.

Эти расхождения являются тем более странными, что простой пересмотр данных таких хорошо известных источников, как летописные своды XVI—XVII вв., наталкивают, как мне кажется, на запись, специально посвященную основанию стрелецкого войска. Но прежде чем обратиться к этой записи, посмотрим, каковы наши сведения о вооруженной огнестрельным оружием пехоте для первой половины XVI в.

У Герберштейна описанию военных сил великого князя Московского уделены следующие строки: «В сражениях они никогда не употребляют ни пехоты, ни пушек... Но, когда переконский царь поставил на Казанское царство своего внука и на обратном пути раскинул лагерь в 13 тысячах шагов возле Москвы, нынешний государь Василий на следующий год расположился лагерем возле реки Оки и впервые пустил в дело пехоту и пушки, может быть, для того, чтобы похвастать своим могуществом... Во всяком случае, при нас он имел из литовцев и всякого сброда людей почти тысячу человек пехотинцев»¹⁰. Пехота, о которой говорит Герберштейн, это, видимо, во-первых, иностранцы-наемники, во-вторых, те самые пицальники, о которых наши летописи упоминают впервые под 1510 г. Было бы, следовательно, неправильно, полагаясь на Герберштейна, относить формирование пицальников к году, следующему за водворением в Казани Сахиб-Гирея, т. е. к 1522 г., по общему впечатлению Герберштейна, что пехота в Московском государстве — дело новое и пока еще второстепенное, что она немногочисленна и ее устройство не приняло еще законченных форм, — впечатление, видимо, правильное.

Обратимся к немногочисленным сведениям о пицальниках, разбросанным в русских памятниках. Наиболее раннее из них — это упоминание 1-й Псковской летописи под 1510 г. о присылке в Псков из Москвы «пицальников казенных» и воротников и об оставленных Василием III в Пскове после отъезда оттуда 500 пицальников новгородских. С самого Пскова для похода под Смоленск были взяты 1000 пицальников¹¹. Видимо, пицальники

появились незадолго до этого времени. В более ранних сборах ратников с городов мы их не видим. Так, для 1500 г., говоря о сборе с Пскова рати для похода Ивана III на Литву, та же летопись сообщает: «И весь Псков порубившись с 10 сот конь, а с 40 рублей конь и человек в доспехе, а бобыли пешие люди». Летопись часто говорит о пушечной и пицальной стрельбе, описывая военные действия в первое десятилетие XVI в., но о пицальниках мы в эти годы ничего не слышим. Под 7020 (1512) г. мы в той же Псковской летописи читаем: «Приехал князь великий Василий Иванович под Смоленск со всеми своими силами в рождественное говение, а с городов пицальники, а на Псков нажила 1000 пицальников, а Псковичем тот рубеж необычен и бысть им тяжело вельми». Об одном из последовавших приступов, перед которым Псковских пицальников напоили медом и пивом, летописец рассказывает: «...и напившись поехали к городу, и иных городов пицальники, а посоха понесли примет». Пицальники взились, следовательно, уже в эти годы не только с Новгорода и Пскова, но и с других городов; в Пскове они впервые и появились, присланные из Москвы. Пицальников мы видим не только на северо-западе. Львовская летопись упоминает их в составе гарнизона Гомеля в 1535 г. в момент захвата города литовцами¹². Они несколько раз, как мы видели это в последнем из приведенных отрывков, упоминаются рядом с посохой, но в то же время отдельно от нее, не входя в ее состав; они выполняют разные задачи в бою: посоха отправляет вспомогательные функции, а пицальники участвуют в выполнении основных боевых задач.

Брикк полагает, что пицальники набирались из среды городского населения. По этому поводу он замечает: «ihre¹³ erste regelmässige Entwicklung erhielt sie analog dem Westlichen Europa in den Städten»¹⁴. Но от 1545 г. дошел до нас рязрядный и разметный список о сборе пицальников с Новгорода и Новгородских пятин, по которому мы видим, что было велено нарядить пицальников «с Новгородских посадов и с пригородов, с посадов и с рядов и с погостов». Потребовали 2000 пицальников, из которых половина должна была быть на конях, а половина пешими, причем одновременно требовали с тех же мест 1937 «человек на конех», из расчета одного с трех белых и с 5 тяглых дворов. О наборе пицальников список сообщает следующие важные сведения: «А те б пешие пицальники были в суде, а суды им себе готовити с собою; а у конных людей и у пицальников у конных суды были ж, в чем им корм и запас свой в Новгород в Нижний проводить; да у тех же бы пицальников у конных и у пеших, у всякого человека по пицали по ручной; а на пицаль по 12 гривенок безменных зелья да по 12 гривенок безменных же свинцу на ядра;

⁷ Brix, S. 56.

⁸ Geschichte des russischen Heeres, Hannover 1885.

⁹ Эта статья, если не ошибаюсь, самое позднее из всего, что написано о стрельцах.

¹⁰ Стр. 75—76.

¹¹ ПСРЛ, т. IV, 283.

¹² ПСРЛ, т. XX, 431.

¹³ der Unfanterie, т. е. пехоты.

¹⁴ Brix, S. 55.

и на тех бы людей на всех на них однорядки или сермяги, крашены». Следовательно, пицальников берут с данной местности с полным снаряжением, с запасом продовольствия и боевых припасов; список представляет собой раскладку этих последних, как и людей. В нем находим следующую оговорку: «А с пушкарей и с пицальников пицального зелья имати государь князь великий не велел, потому что им самим быти на государеве службе¹⁵».

В документе указывается также, что сбор пицальников и конных людей производится для похода под Казань. По окончании похода предполагается, очевидно, роспуск их по домам¹⁶. Черты, характеризующие сбор пицальников по этому документу, снаряжение и содержание целиком за счет свой собственный или местного общества, набор для определенного похода с последующим роспуском, отличают весьма существенно пицальников от стрелецкого войска, которому предстоит возникнуть в ближайшие годы. Впрочем, мы не знаем, не формировались ли уже и в это время из числа пицальников более или менее постоянные отряды.

Известное восстание новгородских пицальников в Коломне в 1546 г., вероятно, сыграло немалую роль в качестве одного из побуждений к ликвидации этого вида войска и замене его стрельцами; оно, может быть, побудило назвать другим именем пехоту, вооруженную теми же пицальными, но реорганизованную на новых началах.

Пицальники — несомненные предшественники стрельцов, как более ранняя форма вооруженной огнестрельным ружьем пехоты. Однако появление термина «стрельцы» было переменной не одного только названия. Пицальники вряд ли даже в какой-нибудь своей части были устроены подобно стрельцам.

Обратимся теперь к наиболее ранним упоминаниям о стрельцах в наших источниках. Опять-таки это будут летописи. В самом обширном и важном для XVI в. памятнике этого типа, Никоновском своде, стрельцы появляются с Казанского похода 1551 г.¹⁷ и, начиная с этого момента, встречаются очень часто, сразу занимая очень видное место в повествовании летописца. Но до 1551 г. Никоновский свод о стрельцах молчит, ничего не сообщает нам об их начале. Не найдем мы такого сообщения и в Львовской летописи или в Царственной книге. Но в так наз. Русском хронографе 2-й редакции¹⁸ под 7058 г. после рассказа о Казанском походе, в котором стрельцы не упомянуты, находится выделенное особо сообщение, весьма важное для занимающего нас вопроса. Удивительно, что это сообщение не привлекло до сих пор внимания никого из писавших о стрельцах. Привожу его полностью:

¹⁵ Интересно еще замечание: «А которым людям зелья добыть немочно и государь великий князь велел тем людям дати мастеров емчужных и пицальников (имеются в виду пицальные мастера, а не стрелки) и велел им варити зелье, тем людям собою, а мастером им указывати».

¹⁶ А. А. Э. I, № 205.

¹⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 163.

¹⁸ ПСРЛ, т. XII, ч. I.

«Того же лета учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич выборных стрельцов¹⁹ с пицальей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе, а головы у них учинил детей боярских: в первой статье Гришу Желобова сына Пушечникова, а у него пицальников 500 человек, да с ними головы, у ста человек сын боярской, а в другой статье дьяк Ржевской, а у него пицальников 500 человек, а у всяки у ста человек сын боярской; в третьей статье Иван Семенов сын Черемисинов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской в сотниках; в четвертой статье Васка Фуников сын Прончищев, а с ним 500 чел., а у ста человек сын боярской; в пятой статье Федор Иванович сын Дурасов, а с ним 500 чел., а у ста человек сын боярской; в шестой статье Яков Степанов сын Бунтов, а у него 500 человек, а у ста человек сын боярской. Да и жалование стрельцом велел давати по 4 рубля на год».

Итак, мы здесь имеем не косвенное свидетельство, а запись, специально посвященную моменту первоначальной организации стрельцов. Составление Хронографа 2-й редакции относят к 1617 г.²⁰, но точность и обстоятельность сведений, содержащихся в приведенном отрывке, говорят о том, что в руках у составителя были материалы, современные началу стрельцов и непосредственно к ним относящиеся.

Таким образом 1550 г., как раз предшествующий году Казанского похода, начиная с которого стрельцы не сходят со страниц летописей, и должен быть принят нами за время основания стрелецкого войска. Выражения, в каких повествует об этом Хронограф, интересны еще и тем, что связывают термин «пицальник» и «стрелец», перебрасывают мост от первого ко второму, говоря об учреждении корпуса выборных стрельцов — из пицальей и возвращаясь к старому наименованию «пицальники» при перечне всех шести статей — приказов. Оба эти названия здесь еще как бы сосуществуют. Указание Хронографа дает возможность заключить, что формирование этих первых шести тысяч стрельцов произошло посредством «выбора» из пицальников аналогично тому, как в XVII в. формировались выборные солдатские и стрелецкие полки. Но образованное этим способом войско было поселено особой слободой в Воробьеве, получило правильное постоянное устройство и его покрывали денежным жалованием. Его организация была именно такой, какой мы видим в дальнейшем организацию стрелецких приказов. Если в дальнейшем система содержания стрельцов жалованием не была достаточно последовательно проведена и о самом жаловании наши сведения будут часто неопределенны, то в этом первом сообщении о стрельцах денежное жалование выступает уже как одна из основных черт устройства нового войска, как оно в данный момент замыслилось. Действительность позднее часто

¹⁹ В издании Археографической комиссии почему-то напечатано раздельно «и с».

²⁰ А. Попов, Обзор хронографов русской редакции, в. 2, стр. 67.

нарушала этот принцип, но он присущ организации стрельцов с самого начала.

Интересно отметить, что некоторые из первых стрелецких голов — люди впоследствии хорошо известные. Таковы дьяк²¹ Ржевский, знаменитый своим успешным походом в Крым в 1556 г. и Ив. Сем. Черемисинов-Караулов, которого в 1551—1552 гг. видим в Казани во главе отряда стрельцов, поддерживающего там власть Шиг-Алея; потом он играет видную роль в занятии Астрахани, а позднее является думным дворянином.

Пищальники не исчезли тотчас же после этого. В течение некоторого времени они, видимо, еще существовали параллельно со стрельцами и лишь затем, впрочем, довольно скоро, были совершенно поглощены или вытеснены ими. В качестве одного из свидетельств их одновременного существования приведу следующее место из описания так наз. «Русской летописью» штурма Казани 13 сентября 1552 г.²²: «Стрельцы же великого князя и пищальники замеша ров градный хворостиньем и землею и тако скоро вздыше на стену великою силою». Здесь интересно выражение «стрельцы великого князя»: пищальники подобным образом не именуется. Действительно, первые — это только что сформированный, приведенный из Москвы, поселенный там и содержащийся на казенном жаловании отборный отряд, а вторые продолжали, вероятно, являться в качестве контингентов, собираемых с городов, вооруженных и содержащихся на свой счет или на счет местных обществ²³.

Как уже указывалось, стрельцы тотчас же после своего появления начинают играть видную роль в действиях под Казанью. В походах 1551 и 1552 гг. стрельцы — одна из основных частей войска наряду с детьми боярскими и казаками. Когда в Казани удается водворить Шиг-Алея, с ним оставляют отряд стрельцов, опираясь на которых он расправляется со всеми противниками. Весьма заметна роль стрельцов и в Ливонской войне; им принадлежит особенно активное участие в осадах ливонских замков. В 1577 г. во время похода Грозного в армии 27 000 чел., из них —

7600 стрельцов²⁴. Не имея возможности останавливаться на точном учете их роли в войнах XVII в., отмечу, что она всегда заметна и очень существенна. Несмотря на то, что значительная часть стрельцов образует гарнизоны городов, в том числе таких, как Псков, Астрахань, Казань, Терки, где их много и где они очень нужны. К тому же стрельцы несут сторожевую службу на «украинах» и составляют охрану царя и правительства в Москве. Следует также принять во внимание выполнение ими полицейской службы. Что же касается их численности, то в 20-х и 30-х годах XVII в. она превышала 30 000; среди них было более 7 тыс. московских стрельцов, несколько менее 3 тыс. конных городских и от 18 до 27 тыс. пеших городских²⁵. Наибольшей численности стрелецкое войско достигло в третьей четверти XVII в., составляя около 50 тыс. чел. (5 тыс. конных и 45 тыс. пеших). Более 20 тыс. находилось тогда в Москве. В 80-х годах число стрельцов начинает несколько уменьшаться, но они все же сохраняют большую численность вплоть до времени ликвидации московских стрельцов после бунта 1698 г. Городовые стрельцы существуют еще и после этого; они постепенно растворяются в новой военной организации, создающейся во время Северной войны. Самое позднее упоминание о них относится к 1710 г.

Значение стрелецкого войска в общей системе вооруженных сил Московского государства было, таким образом, весьма велико в течение всех полутора столетий его существования. Это значение выражается не только в численности стрельцов, но в первую очередь определяется их более высокой организацией и более совершенным вооружением по сравнению с дворянским ополчением. Вот что говорит о действиях стрельцов компетентный судья в этом вопросе Маржерет: «Сотня татар всегда разгонит двести россиян²⁶, исключая отборнейших воинов; встретив же русскую пехоту, или стрельцов, укрепившихся на речном берегу или в засеке, они поспешно удаляются²⁷». Насчет стрельцов может быть отнесено и следующее показание гораздо более позднего современника их, Рейтенфельса: «Делая общую оценку московскому воинству, должно считать его пехоту несомненно лучшею, нежели конницу, ибо она более старается о завоевании и защите городов, нежели об удачных стычках в открытом поле²⁸.

²¹ Любопытно это назначение головы из дьяков.

²² ПСРЛ, т. VI, стр. 307.

²³ Шпаковский говорит о пищальниках 1556 г. как содержащихся на условиях весьма близких к стрелецким, на основании одного документа, помещенного в Доп. АИ (т. I, № 90). Но это — недоразумение, причина которого — различие вещей, именуемых словом пищаль. Там идет речь о 10 невеликих пищальниках, которым было приказано «быти на городе у наряда у пушек и пищалей, неотступно день и ночь». Имеются в виду не ручные пищали, а артиллерийский наряд (или затинные пищали), и эти пищальники не кто иные, как пушкарки. О таких же пищальниках-пушкарках, видимо, идет речь и в писцовых книгах Кормы Орешка и в некоторых других новгородских приговорах начала XVI в., в переписной книге Торонца 1540—1541 гг. В этой последней пушкарки и пищальники подводятся под одну рубрику и, по словам Чечулина, отождествляются. (См. Чечулин, стр. 39—40, 60.) Мы встречали выше употребление термина пищальники еще и в третьем значении: пищальные мастера.

²⁴ Brix, Beilage, № 1.

²⁵ Brix, Beilage, № 41; см. также Милюков, Государственное хозяйство в первой четверти XVIII в.; вводная глава.

²⁶ Имеется в виду дворянское ополчение.

²⁷ Маржерет, стр. 55.

²⁸ Рейтенфельс, III, 126.